

В.И. Ильин

ПОЛЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ТЕАТР

Уйти, чтобы остаться: социолог в поле: сб. ст. / Под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. — 148 с. ISBN 978-5-91419-255-3

Книга создается для того, чтобы ее читали. Поэтому ее читаемость — главный критерий книжного качества. Данная книга, подготовленная авторским коллективом Центра независимых социальных исследований, вполне соответствует этому критерию. Я ее читал не отрываясь от начала до конца, не прибегая к принуждению с помощью пронизывающего всю нашу культуру императива «Надо!» Читал, потому что было интересно.

Банальная мысль о читаемости как первом критерии качества не столь поверхностна, как кажется на первый взгляд. Она является принципом массовой культуры, к которой я не питаю больших предубеждений и поэтому, не стесняясь, повторяю этот принцип в журнале, целевой группой которого является академическое социологическое сообщество. Если добавить к этому принципу уточняющие вопросы «Кто читает?» и «Как читает?», тогда обсуждение переходит из маркетинга масскульта в плоскость социологическую.

Чтобы понять, на кого рассчитана данная книга и каковы ее задачи, мне пришлось прочесть ее всю. Стандартная аннотация, где принято отвечать на этот вопрос, оказалась слишком стандартной, чтобы ей верить. Первая возникшая гипотеза: это введение в качественные полевые исследования для новичков. Прочитав книгу, я не могу однозначно сказать, в какой мере подтвердилась эта гипотеза.

С одной стороны, новичку прочесть ее интересно и полезно. Написана она в основном нормальным человеческим языком. Редко коллективная работа, имеющая несколько разных авторов, бывает написана столь стилистически однородно и доступно для человека, не знакомого с социологическим словарем.

Я пишу «в основном», потому что с годами социологи начинают забывать язык, на котором говорит большинство, и автоматически метят смысловое пространство, в которое они входят, профессиональными словечками, не позволяющими усомниться в учености авторов. Поэтому настоящий новичок неизбежно местами будет задавать риторический вопрос: «А по-человечески это сказать нельзя было?» Но таких мест здесь мало. И еще эту книгу полезно прочесть новичку (и я уже рекомендую ее своим студентам), потому что от нее веет романтикой полевого исследования. Это именно то, чего многие студенты, получив диплом, так и не успевают попробовать, уходя с убеждением, что социология — это скучная профессия, стоящая в одном ряду с бухгалтером, товароведением и т. д. Читая эту книгу, как мне кажется, новичок может понять, что быть социологом — это интересно. Это не просто профессия, а увлекательный образ жизни. Авторы подробно описывают полевые истории, которые часто читаются как настоящие рассказы.

С другой стороны, было бы большой ошибкой рекомендовать эту книгу новичку как пособие по методике качественных полевых исследований. Тот, кто не прошел базовый курс качественных методов, вряд ли поймет, к чему эта книга, а если ему и покажется, что он понял, то это будет лишь иллюзией. Сведения о методике здесь не носят системного характера, они всплывают крупными кусками в рассказах о жизни в поле. Понять, как и зачем проводится исследование, новичок из этих текстов, как мне кажется, не сможет. Но авторы, вероятно, такой задачи и не ставили. Однако для просвещенных новичков она будет очень полезна.

Вторая моя гипотеза состояла в том, что опытные исследователи делятся своим опытом с другими своими коллегами, которые давно уже прочитали необходимые учебники и попробовали предлагаемые там методики в собственных, достаточно продолжительных и осмысленных полевых исследованиях. После прочтения мне показалось, что, как и первая гипотеза, эта подтвердилась только частично. Почитать истории, принесенные из поля, вдуматься в те проблемы, которые описаны авторами, полезно и профессионалу — полезно с иной точки зрения, нежели новичку. Для опытного исследователя дух романтики уже не столь важен, т. к. он уже успел все это попробовать сам. Однако описание проблем заставляет задуматься еще раз о том, о чем думал на другом материале или хотел подумать, но не успел в силу быстротечности времени. Иначе говоря, функцию стимулирования методических размышлений эта книга вполне выполняет.

Я читал эту книгу с ручкой. Я в ней ничего не подчеркивал, ничего из нее не выписывал, но книга провоцировала мои собственные размышления о моем собственном опыте. И это мне кажется одним из критериев удачности книги. Удачна не та, которая учит, а та, которая вызывает желание думать.

Можно ли считать, что эта книга дает ответы относительно опытному исследователю на поставленные в ней проблемы, выходящие за рамки стандартных учебных пособий? Я так не думаю. Вопросы есть, ответов нет.

Но можно ли авторов винить в этом? Так я тоже не думаю. Пусть тот, кто сумел в последние пару десятилетий сказать новое слово в методике качествен-

ных социальных исследований, бросит в них камень. Я, честно говоря, таких не знаю. Не исключаю, что они есть. Просто я этого не знаю. В книге немало сносок на литературу, но это скорее научное оформление, чем ссылка на источник идей: я читал других авторов, но там то же самое. За последние десятилетия суждения относительно качественных методов, кочующие из книги в книгу, превратились в общие места. Поэтому инородные по стилю цитаты во многих случаях не прибавляют смысла, а только портят текст, написанный в жанре полных аналитических записок. Уже не раскопать, какая идея от кого исходит.

Качественная методика достигла новых высот в последней четверти XX в. за счет ее оплодотворения методологическими исканиями. Правда, эти высоты формально не так уж и высоки в сравнении с завоеваниями классиков антропологии и Чикагской школы. Их главное преимущество, как мне представляется, в том, что инструменты, которые раньше использовались в основном интуитивно, теперь стали погружаться в процесс методологических размышлений, превратились в предмет критического анализа. В результате и получаемые данные приобрели иной характер. Честный исследователь уже не рискует подавать их как элементы абсолютной и объективной истины.

В статьях, составляющих книгу, я не нашел методической новизны: все приводимые здесь приемы многократно описаны. Однако достоинство этой книги состоит в том, что ее авторы описывают не то, *как* надо делать, а *что* происходит со ставшими банальными методическими принципами в реальном полевом исследовании. Они опускают эти абстрактные принципы на землю. И тут обнаруживается много ловушек, из которых нет однозначных выходов: пойдешь по пути скрупулезного соблюдения правил, не увидишь конца исследованию, будешь подгонять правила под возможности — а что скажет сообщество? Очень часто это противоречие снимается за счет хитрости, которая вводит в заблуждение лишь дилетантов: о ловушках молчат, будто их и не было. И само молчание вызывает у меня всегда сильно подозрение в лукавстве. Здесь же читатель видит, что все далеко не так просто, как в учебниках по методике.

В книге неоднократно упоминается И. Гофман, но это скорее ритуальные жесты. Я пытался найти использование его методологии, но тщетно. Такова судьба классиков! Не упомянуть нельзя, а как реально использовать — тоже не ясно. Между тем, все статьи по сути дела о театре под названием «Полевое исследование», театре, в котором ставятся разные конкретные спектакли. Авторы подробно и интересно пишут о том, как играли они, как играли информанты, но техника драматургического анализа остается невостребованной. Это можно было писать и не открывая книг И. Гофмана.

В анализе процесса полевого исследования и получаемых данных дело не сводится к простой репрезентации себя другому. Иначе говоря, И. Гофмана здесь не достаточно. Полевое исследование — это институционализированный театр, где обе стороны играют по правилам и своей культуры, и своей профессии, и разных институтов, от которых они зависят, часто под руководством «режиссера», организующего взаимодействие в момент исследования. Многие произносимые тексты написаны задолго до данной встречи. В этом контексте категория «достоверность» — слишком простая и грубая для интерпретации и

процесса исследования, и получаемых результатов. Ключ к пониманию того, что мы получаем, лежит за пределами ситуации презентации индивидами себя друг другу в исследовании. Так, И. Олимпиева точно описывает процесс исследования, осуществляемый из скорлупы роли американского социального работника. Это игра по правилам, которые задолго до начала исследования известны и социологу, и его информантам. В результате исследователь получает информацию, смысл которой не понять вне контекста этого спектакля, играемого по сценарию, сформировавшемуся на стыке американской социальной политики и социологического сообщества. Исследовательская игра, описываемая М. Кудрявцевой, определяется логикой не ее личной репрезентации нищим, а глубинными структурами социальной политики ФРГ. Эти институциональные факторы, как мне представляются, стоит выводить в центр анализа процесса оценки достоверности данных, собираемых в спектакле под названием «Полевое исследование». Большая часть рецензируемой книги посвящена проблеме, которая рассматривается в моей работе «Драматургия качественного полевого исследования» (СПб.: Интерсоцис, 2006), поэтому не буду углубляться в эту тему. Правда, авторы почему-то уходят от технологий драматургического анализа, ограничиваясь по большей части этнографическим описанием этнографического исследования.

Однако сказанное здесь нельзя воспринимать как критику. Это скорее ремарки в духе «я бы это сделал иначе». Того, что сделано авторами рецензируемой книги, вполне достаточно, чтобы считать ее достойной для прочтения всеми, кто интересуется полевыми исследованиями: и теми, кто только пишет свою первую курсовую работу, и теми, кто занимается этим уже многие годы. Главный результат — проблематизация процесса полевого исследования, наводящая на методологические и методические раздумья, — достигнут.